

<А. КНЯЗЕВ, Е. БЕР-СИЖЕЛЬ и др.>

Памяти о. Сергия Булгакова*

Выражаю «Вестнику РСХД» свою глубокую признательность за то, что на его страницах имею возможность воздать честь памяти о. Сергия Булгакова и свидетельствовать перед широким кругом читателей о том, чем я ему обязан. Познакомился я с о. Сергием в 1926-м году в Ницце, где я тогда жил и куда он тогда приезжал для служения в соборе и прочтения публичной лекции. Но по-настоящему я с ним сблизился с 1938-го года, после моего поступления в Богословский Институт. Поступил я в Институт, окончив западную светскую школу. Пафос этой школы, как известно, — ставить под вопрос все общепринятые положения, в частности, и в особенности, религиозные, ради посильного искания разрешения всех проблем исключительно собственным умом для созидания научно-философского мировоззрения. О. Сергей Булгаков поразил нас, своих студентов, смелостью своей проблематики во всех областях богословия. Его одаренность как мыслителя, его незаурядная философская культура, его богословский и научный опыт сочетались у него с глубокой церковностью и с несомненной харизмой служения у алтаря. Он показал, что знание о Боге может, при известных условиях, стать знанием Бога. Собственным примером он явил, что богомыслие может стать одним из приводящих моментов религиозной жизни. Он пробудил во мне богословское призвание и направил меня по научно-богословскому и по пастырскому пути.

Любовь к слову Божию, как и полученная мною от него любовь к богословской проблематике, заставили меня стать ветхозаветником. В те годы, когда я начинал свое собственное преподавание

* Редакция Вестника послала ряду богословов, лично знавших о. Сергия Булгакова, просьбу написать несколько слов, свидетельствующих о влиянии, которое имели на них личность и творчество великого богослова.

в Богословском Институте, Ветхий Завет подвергался историко-рационалистической критике. В широких же православных кругах тогда было утрачено всякое представление о религиозном значении Ветхого Завета и об его ценности для христианской проповеди. По заветам о. Сергия я и решил заняться этим вопросом, как наиболее тогда злободневным и насущным. По его же настоянию я стал исследовать православное учение о Божией Матери, ибо его заветной мечтой было — показать протестантскому миру религиозную необходимость церковного почитания Пресвятой Богородицы.

Занятия над Священным Писанием по-новому показали мне подлинный буквальный смысл ряда библейских мест. Они заставили меня поставить под сомнение некоторые библейские обоснования общей богословской системы о. Сергия. Тем не менее, никто не учил, как он, так правильно ставить богословские вопросы, так учитывать богословские трудности, подлинно вникать в богословские проблемы и любить богословскую мысль. После о. Сергия схоластические¹ методы и приемы, утвердившиеся одно время в православном школьном богословии, стали совершенно невозможными. Все православные богословы наших дней, даже несогласные с учением о. Сергия, но хотящие богословствовать из полноты церковной жизни, исходящие из Предания как живого опыта богопознания, осуществляющегося Святым Духом в Церкви, являются, по существу, его последователями.

Вечная ему память у Господа и постоянная ему благодарность у всех, кто ищет возлюбить Бога всею своею крепостью и всем разумением своим.

31-ХІІ-1971

Протоиерей Алексей Князев

Е. БЕР-СИЖЕЛЬ
IN MEMORIAM²

(Перевод с французского)

До того как познакомиться лично, я была знакома с отцом Сергием Булгаковым по его трудам и его участию в Экуменическом Движении. Не через него я познакомилась с учением и молитвенной жизнью православной Церкви, но его книжка «Православие»*, изданная в 1932 году, в прекрасном французском переводе, была для меня верным путеводителем в вешние годы моей встречи с Церковью.

* Ed. Alcan, Paris 1932. Réimpression Éd. Balzon, d'Allonnes & C°. Paris 1958.

Даже если бы о. Сергий не написал ничего другого кроме этой книги, ею одной он заслуживал бы большой признательности и благодарности со стороны православных людей моего поколения и французской культуры.

Вместе с Николаем Александровичем Бердяевым, и больше, чем последний, — который как-то выделял себя немного из церковной среды, — отец Сергий Булгаков представлялся нам самым выдающимся представителем исповедания живой и свободной веры, в единстве и преемственности с Отцами Вселенской Церкви.

Глубоко вкорененный в традицию русской религиозной мысли, тем не менее отец Сергий обладал универсально-кафолическим прозрением Православия, в самом настоящем смысле греческого слова *kat'holon*³.

Этим объясняется его глубокое личное участие в экуменическом диалоге, несмотря на то, что умонастроение и дух протестантских пионеров Экуменического Движения был ему довольно чужд.

На экуменических собраниях, будучи в высшей степени искусным диалектиком, о. Сергий с необыкновенной силой защищал традиционные позиции православной веры, в частности, в области мариологии⁴, — позиции в большинстве случаев неприемлемые для его протестантских собеседников*. Все же он им представлялся и добросовестным противником и, вместе с тем, другом — рыцарем Истины, оживленным пророческим духом.

Что касается личной, оригинальной стороны мыслей отца Сергия, то есть его софиологии (находящейся под влиянием Владимира Соловьева), то она меня хотя и привлекала к себе, но, вместе с тем, вызывала некое беспокойство и сомнения, о чем я высказывалась однажды в статье Религиозно-Философского Обозрения**.

Свидетельствуя о творческой, свободной мысли внутри церковного Предания, софиология мне представлялась достойной внимания и уважения. Тем более, что в своем глубоком побуждении она соответствовала реальному духовному опыту, засвидетельствованному Церковью — интуиция о божественных (софийных) силах, сокрытых в творении, видение Фаворского света, благодатно и таинственно уже преображающего человеческую природу и естественный мир.

В противовес однобокого утверждения божественной трансцендентности (которое в ту эпоху торжествовало в протестантском

* См. об этом: «The Incarnation and the virgin birth.» в сборнике статей Булгакова изданном недавно Содружеством св. Албания и преп. Сергия в Лондоне.

** E. Behr-Sigel, La sophiologie du père Serge Boulgakoff, Revue d'Histoire et de Philosophie Religieuse, № 2 1939.

богословии Карла Барта⁵), утверждения, недооценивающего естественный мир и человека, хотя и сотворенных Богом, но делающего их абсолютно Ему чуждыми, учение о Премудрости как о извечно любимом объекте Троической любви, не означало ли существенной мысли о божественном призвании твари?

Хотя, с другой стороны, объективируя и рационализируя тайну, ощущаемую духовным опытом, и как бы нарушая этим равновесие церковного целомудренного молчания и евангельской простоты за счет умозрительных построений, не вводит ли софиология — спрашивала я себя — гностического соблазна умствования? Или, как в ту же эпоху об этом вопрошал о. Лев Жиллэ: «Лучезарной и радостной софиологической концепцией не умаляются ли в каком-то смысле и идея Божественной недоступности и идея (абсолютной) непримиримости с Князем мира сего, и трагичность жизни сладчайшего человека Иисуса, окончившейся крестными страданиями и смертью»?

Но, несмотря на эти вопрошания и недоумения, какие мы тогда имели, осуждать мысли отца Сергия, без того чтобы он мог объясниться и защититься, мне казалось и бесплодным, и глубоко несправедливым. К такому заключению в конце своей жизни пришел и осуждавший в молодые годы софиологию Булгакова Владимир Лосский. Он сказал, что софиологическая проблема могла и должна быть заново рассмотрена и введена как неотъемлемая часть в православное богословие.

Наступила война, беспорядочное бегство, тяжкие годы немецкой оккупации. Это трагическое время было для меня и временем очищения и обращения к отцу Сергию в самом главном, что я в нем узнала другого — менее интеллектуального и бесконечно более личного.

Вернувшись в Париж после «Исхода» 1940 года⁶, как-то вечером (это был сентябрь), я — одинокая и растерянная — поднялась на Сергиевскую горку в надежде найти там живую душу.

Я постучалась к о. Сергию. Он открыл дверь и ласково принял меня. Он посоветовал мне, — до того как я отправилась бы к мужу в «запрещенную зону» — исповедаться и причаститься. Так началась наша личная связь и переписка, длившаяся в продолжение войны.

Заключенная со своей семьей в «запрещенной зоне», я лишь редко могла бывать в Париже, но регулярно получала от о. Сергия слова дружбы и духовного укрепления, а также редкие сведения, которые доходили до него, через Швейцарию, о наших общих друзьях, находившихся за границей и с которыми нас разделял железный занавес немецкой оккупации. Это было той «влагой»,

которой, по слову М. Метерлинка⁷, достаточно, чтобы озеленить боярышник, оросить былинку и оживить птицу. И чтобы наполнить венчик, где пчела собирает мед, нужно ведь совсем немного воды!»

Так во дни ареста матери Марии Скобцовой, «в скорби и жалости», равно как и в надежде, не приобщались ли мы тому, что стоит по ту сторону страданий настоящей жизни.

В последний раз я увидела отца Сергия в начале лета 1944 г. за несколько месяцев до конца войны. Это совпало с рождением моего сына. Совсем уже больной, тяжело ущемленный операцией горла от рака — что и привело его к смерти — о. Сергий мог говорить слова, которые с трудом можно было понять.

Но, расставаясь с ним, я сохранила в сердце его лучезарную нежную улыбку и благословение, данное им широким жестом руки мне и моему ребенку, которого я тогда носила в себе.

Как я и предчувствовала, мы не должны были с ним больше встретиться.

1. Никого я в жизни не повстречал, кто произвел бы на меня большее впечатление, кого бы я выше оценил и чья память была бы мне дороже, чем память о. Сергия. Никого не повстречал, кого бы мог с ним и сравнить.

2. Труды его для меня неотделимы от его личности, но личность отделима от трудов, и она мне больше дала, глубже во мне запечатлелась, чем труды.

3. Думаю, однако, что русская богословская мысль — и мысль вообще — когда оцепенение ее кончится, мимо трудов этих не пройдет; а если пройдет, себя обеднит и свое будущее искалечит.

В. Вейдле

18 дек. 1971

Я не могу не откликнуться хоть кратко на чествование памяти отца Сергия Булгакова. В нем было большое горение духовно и большая сила веры, и этим своим пламенем духовным он часто зажигал души других. С большой благодарностью вспоминаю то большое впечатление, которое я получил от частых встреч с ним, когда я был еще молодым студентом Московского Университета, а он прив. доцентом Московского Университета и профессором Петровской Академии под Москвой. Он был ревностный и деятельный участник замечательного Кружка ищущих христианского просвещения, в котором руководящими лицами были кроме него так же В. А. Кожевников, кн. Е. Н. Трубецкой, Ф. Д. Самарин, еп. Феодор⁸ и др. и который я часто посещал в 1907–1912 гг.

Помню горячность его христианской веры и силу его слова. Его софиологическое богословие я не разделял, считая его несколько слишком эмоциональным и вместе с тем рационально-схоластически окрашенным, к тому же и произвольным. Но его горящий интерес к великому обетованию, а также и преображению твари через подвиг Христов я, конечно, высоко ценю и высоко чту, хотя и не в этом — неубедительном для меня — булгаковском «софиологическом» выражении.

Он многим указал путь ко Христу. Он у многих раскрыл глаза на действие Слова Божия в мире и истории. Имя его займет почетное место в истории русской духовной жизни и духовной культуры как ревностного и пламенного служителя и проповедника Воплощенного Слова.

Н. Арсеньев

Я уже могу считать себя необыкновенно счастливым человеком, что милостию Божиею мне довелось быть в условиях самого близкого общения с такими корифеями Русского Ренессанса, как протоиерей профессор Сергей Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и другие. Каждый из них в своем роде гигант, великан и заслуживает самого пристального внимания, а его творчество — детальнейшего анализа.

Но среди них особенным блеском звезды первой величины сияет автор «Света Невечернего», «Двух Градов», «Моцарта и Сальери» — не говоря уже о гениальнейшей трилогии — «Агнец Божий», «Утешитель», «Невеста Агнца» — и других творений, как например небольшой по размеру, но блестящей по содержанию книжечки «О чудесах евангельских».

Считаю себя также необычайно счастливым, что Господь привел меня быть коллегой о. Сергия Булгакова по Православному Институту Св. Сергия в Париже, где я имел честь и радость преподавать многие годы под его началом. И вот теперь, когда на склоне лет предаешься сладостным воспоминаниям об этих лучших годах моей жизни — сердце бьется полнее и сладостнее, чем когда-либо — и не веришь себе, что такое счастье и такая радость были — согласно слову поэта:

Не скажешь ты с тоской — их нет,
Но с благодарностию — были!⁹

И при этом никак не можешь забыть, что через посредство о. Сергия Булгакова довелось мне иметь общение с о. Павлом Флоренским — учителем и вдохновителем о. Сергия.

С творчеством о. Сергия я познакомился в первый раз в бытность мою еще молодым пятиклассником Киевской I Гимназии,

ибо тогда (в 1905–1906 гг.) о. Сергей был молодым приват-доцентом Киевского Политехнического Института: тогда же о. Сергей прогремел на всю Россию серией своих превосходных лекций о Чехове и рядом статей, которые впоследствии вошли в состав великолепнейшего сборника «Тихие Думы».

Залы, в которых читал в Киеве о. Сергей, были переполнены. Содержание и стиль этих лекций, равно как и их успех, показывают, что действительно свершался некий крутой поворот от жалких и бедных идей 60-х и 70-х годов, даже полный разрыв с ним ради роскошной и многообещающей зари новых дней. И это несмотря на то, что официально о. Сергей Булгаков (тогда приват-доцент политической экономии) и многие его слушатели пребывали в стане народников и марксистов. Но именно тем важнее было быть свидетелем совершавшегося и неизбежного переворота «от марксизма к идеализму». И тогда же «Вехи»¹⁰ покупались нарасхват (в них одной из лучших статей была статья о. Сергия), сочинения Ленина (псевдоним — Владимир Ильин) вызывали гомерический хохот своей отсталостью, некультурностью и глупостью.

Самым сильным и глубоко — *de profundis*¹¹ действующим во всем духовном облике о. Сергия в эпоху моей первой встречи и первого знакомства с ним (в Берлине в 1924 г.) был его общий, благостный стиль православного священника-протоиерея. В нем, как некогда во Владимире Соловьеве (в котором было много от священника — «левита»), — и вот именно этот стиль священника-левита влек к нему сердца с неведомою силой.

Конечно, с первых же слов, какие бы он ни произнес на кафедре, с первых же шагов общения с ним переживался прежде всего священник-левит, которому дана власть вязать и решить, свершать литургию, чувствовался человек, который, однажды пройдя огненную преграду, отделяющую церковь от мира, уже воистину стал для мира иным и может благодатью священства ему от Бога данной уводить за собою в ограду огня. Такие священники по непосредственному чувству почиющей на них благодати священства — очень редки. Они — драгоценны. И к ним относятся немногочисленные коллеги о. Сергия — весьма редкие единицы. Такова же была сила его проповеднического и духовнического дара. И именно — мы твердо в этом уверены — так удивителен был его богословско-метафизический и философский гений, что от Господа был дан ему широчайший и глубочайший опыт иерейского служения. Тот, кто имел радость присутствовать на его служениях или быть его духовным сыном, — тот никогда не забудет этого и унесет это счастье «по ту сторону» огненной преграды. А сколько было грозы в его иерейской благодати, грозы, прогонявшей всякого рода темные силы.

Отец Сергей не позволял никому легкомысленного и небрежного обращения со святыней. А это — самое главное. В святыне — все, и святыня — все. Отсюда и его богословский гений.

В богословии — благоговение, благочестие — это все. И о. Сергей обладал этим всем, не вотще приняв благодать священства.

И в наше время никто (за исключением старца Алексия Мечева), никто так высоко и так благоговейно не нес над своей головой «кивот и крест — символ святой»¹², как именно отец Сергей Булгаков.

Быть может, именно по этой причине постиг он в такой глубине две таких величайших церковных ценности, без которых Церковь не стоит в наших сердцах — молитвы и чуда.

Вл. Н. Ильин

